

Как мог быть он настолько слепым!

Он знал, что люди часто закрывают глаза на вещи, которые не вписываются в их картину мира, но сам... сам не желал видеть очевидного.

И когда Агата пришла, он не заметил, что она чем-то подавлена.

Она отрешённо улыбалась его глупым шуткам; пила с ним на кухне горький чай; смотрела надоевший до чёртиков фильм, сюжет которого они выучили наизусть.

А он ничего не заметил.

Не заметил, как дрогнули её плечи, когда его рука скользнула под платье. Не заметил, как пламя грусти на миг вспыхнуло в любимых глазах, когда его губы коснулись её губ.

Не заметил...

Или не хотел замечать.

Даже когда, нависая над ней, он тяжело сопел, а её красивая молочно-розовая грудь вздымалась и опадала в такт движениям, он не заметил, что объятья Агаты слабы, а руки безвольно лежат у него на плечах.

Не заметил... Не увидел. Не хотел видеть.

Зато прекрасно видела она: безмерную пропасть между ними. И она сказала:

— Нам нужно расстаться.

Он обернулся и посмотрел ей в глаза. В её большие нежно-голубые глаза, наполненные откровенной тоской. Хрусталичками слёз тоска перекатывалась через веки и, разбиваясь о розоватые бледные щёки, падала на постель.

Надежда на то, что Агата шутит, растаяла, толком не успев возникнуть.

— Погоди, погоди, — он попытался собраться с мыслями, но ничего не выходило, — Расстаться?.. Зачем?..

— Мы не подходим друг другу.

В комнате резко закончился кислород, дышать стало почти невозможно.

— То есть как это "не подходим"? Почему?

Она отвернулась, всем своим великолепием подавляя, сокрушая его. Пока он смотрел на неё, он не мог нормально соображать, поэтому опустил глаза.

— Мы никогда не подходили, — сказала Агата, — Всё это ложь. Глупая игра. Мне жаль...

— Тебе жаль? — сердце разрывалось в груди, вонзалось осколками в лёгкие, — Ложь? Игра?! Тогда зачем ты в неё играла?

Агата вздохнула, и от этого вздоха он ощутил себя полнейшим ничтожеством. Он понял всё, и прозрел. Воспоминания обрушились потоком сели, смывая остатки гордости. Всё было ложью.

Всё! Кроме той первой фразы, что свела их вместе на пол года: "Ты самый умный в группе. Хочу позаниматься с тобой."

Самая красивая девушка на курсе — она казалась ему самой красивой девушкой во Вселенной. И стоило им остаться вдвоём, как он сказал ей об этом.

Что двигало ею тогда? Признательность? Любопытство? А может ей не хватало тех самых слов — капли любви хмурым осенним вечером?

Платье упало на пол. Там же оказались и трусики.

У неё уже был опыт, поэтому она направляла его, а он следовал этим направлениям, словно заблудившийся в Раю, что следует указателям, чтобы не рухнуть в ад.

Она направила его руку, и пальцы в мгновение намокли, погрузившись в горячую влагу. Это скользкое сладкое чувство будоражило фантазию, по коже побежал холодок, словно возбуждение Агаты передалось по нервам и наполнило его животворным огнём.

Несколько мимолётных движений, трепетное прикосновение к её идеальной груди, твёрдый, как мрамор, сосок.

Поцелуй... долгий, глубокий. А потом... провал в пылающую тугую бездну, в адское пекло наслаждения. Он взлетал и падал, а потом снова взлетал.

А потом — его настигло мгновение. Незабываемое, короткое как удар током. Оно должно было длиться вечно, но он не выдержал этой секундной вечности и извергся подобно вулкану.

Агата была под ним. Такая живая, тёплая, дышащая. Хотелось сжать её в объятиях, слиться, растворить в себе. Её последний стон звенел в ушах ангельской песней. Её последним словом было...

— Зачем? — прокричал он, вскакивая и натягивая штаны, — Зачем ты повторяла это? Из раза в раз, из раза в раз! Зачем сегодня, снова? Прощальный подарок? Подачка жалкому неудачнику?

Она не стала отвечать, поскольку это было почти правдой. Она просто жалела его все эти пол года.

Он выскочил на улицу в одних джинсах и сланцах, на ходу прихватив её сигареты. Он курил взтяг, пытаясь заполнить чёрное жерло пустоты отрезвляющим ядом, но не мог насытиться.

Плечи трясло от злости, хотелось, чтобы кто-нибудь попался под руку. Ну же! Какое-нибудь хамло.

Врезать пару раз, чтобы отвести душу. И пусть потом его избьют хоть до полусмерти.

Но никто не попадался.

Сигареты плохо тянулись и быстро выкуривались. Ночной апрельский холод лизал обнажённое тело, добавляя к нервной дрожи ещё и озноб.

Нужно было вернуться. В дом, в подъезд, в квартиру, расставить все чёрточки над краткими "и", быть может переубедить Агату? Но ноги сами несли его по пустынным улицам прочь, уводя всё дальше и дальше, к парку.

Зыбкий ветерок бессильно шевелил полуголые ветви, небо вымучивало редкие капли дождя, старый парк утопал в тишине и мраке. Тусклые фонари освещали лишь жалкий клочок пространства перед воротами, где и пришлось остановиться, потому что кончились сигареты.

Последний бычок полетел в урну. Успокоившееся было сердце снова учащённо забилося при мысли о предстоящем возвращении.

Сняв бесполезную пачку, он швырнул её вслед за окурком. Пачка шмякнулась о бортик и упала в грязь — пришлось наклониться, чтобы выбросить её по-человечески. В парке что-то хлопнуло.

Звук был неприятный, как если бы из рамы вылетело калённое стекло, взорвавшись смертоносными брызгами. Осторожно бросив пачку в урну, он поднял голову и прислушался: парк не издавал ни звука.

Пожалуй, и впрямь стоило возвращаться. Руки заледенели, пальцев на ногах он почти не чувствовал, а шею сводило жуткой судорогой. Тело приготовилось к повороту, напряжилось, делая шаг прочь от парка, но тут раздался крик.

Жалобно скрипнули чугунные ворота, сланцы остались на освещённом пяточке — он бросился в самую глушь, сверкая замёрзшими пятками и ощущая прилив горячего злорадства.

На губах невольно проступала улыбка: женщина в беде! Как это кстати! Сколько бы ни было там маньяков, душу он отведёт.

Крик повторился.

Определённо кричала женщина, вот только кричала она как-то странно, необычно. Год назад он смотрел передачу про каракалов, где эти восхитительные кошачьи дрались, рычали, визжали и мяукали. И крик женщины сейчас был похож на дикую смесь из всех каракальских криков.

Кусты хватили его за джинсы, рвали в кровь кожу на руках, но он не чувствовал боли, подгоняемый приливами адреналина. Впереди за деревьями разливалось голубое сияние — чистый лазурный свет, — будто кто-то щёлкнул выключателем, и настал светлый погожий день. Но деревья оставались чёрными, а над головой тянулось свинцово-фиолетовое небо, грозящее вот-вот разродиться ночным дождём.

Рык раздался совсем близко. Женщина явно была в отчаянии, её загнали в угол.

Он попытался припустить, но не смог. Пол пачки меньше чем за пол часа — да как он не сдох на первой стометровке!

Он ломанулся через кусты, уже не разбирая направления, и вывалился на асфальтовую площадку, где когда-то в далёкие годы люди иной эпохи собирались, чтобы потанцевать. Теперь здесь, среди разбитых фонарей и поломанных скамеек разливался слепящий лазоревый свет.

По правую руку, на самом краю площадки, и правда была женщина. На пару секунд он опешил, пытаясь уложить в голове её облик, но сделать ему этого не дали: из лазоревого сияния выступили две фигуры. И воспринимать то, что из себя представляли они, было ещё сложнее. Мускулистые гиганты с лысыми мясистыми головами в лёгких облегающих комбинезонах. У каждого из них было по четыре руки.

Горячее злорадство уступило место ошалелой пустоте. Второй раз за вечер все мысли вымело из черепной коробки, и теперь потребовалось бы что-то гораздо более крепкое, чем сигареты, чтобы замести их обратно.

Взгляд его снова обратился к женщине.

Она упала на четвереньки и рычала, как кошка. Да она и была кошкой! Эта странно раздвоенная верхняя губа, эти длинные рысьи уши с кисточками — точно как у каракалов, — и сверкающие изумрудами глаза.

На ней почти не было одежды, только короткая юбка из лоскутов пёстрой ткани и кусок бледно-зелёной тряпки, обмотанный вокруг груди. Руки и ноги её покрывала густая шерсть, и можно было поклясться, что в асфальт, как в мягкую глину, вонзаются острые кинжалы когтей.

Но хотя она и была кошкой, всё-таки она была женщиной — женщиной в беде.

Он сам не верил, что делает это. Разодранная кожа на руках вспомнила, что такое боль, окровавленные ступни возопили: "Беги!", но он вышел в центр площадки, встав между женщиной и гигантами, с абсолютно идиотской мыслью: "Вот так я и умру. А утром, когда меня найдут, когда сообщат Агате... Вот тогда она заплачет."

Мысль хоть и была идиотской, но воодушевляла на подвиги. Он сжал кулаки, готовясь пустить их в ход, готовясь дать отпор четырёхруким, сколь бы сильны они ни были, — и полетел в кусты.

Его отшвырнули, как путающегося под ногами ребёнка, как докучающую зверушку, как куклу, набитую тряпьем.

Он поднялся, выцарапывая себя из шиповника, шатаясь и теряя сознание. Рука автоматически прижалась к лицу и отлипла с мерзким чавканьем, покрытая фиолетовой кровью. Правый глаз словно угасал, изображение справа тускнело, пока не превратилось в размытые пятна. Каждый шаг приходилось удерживать себя вертикально и удерживать тонкую нить сознания. Гиганты уходили в лазурный свет, унося с собой женщину-кошку.

— Ах вы твари! — попытался он привлечь их внимание, но четырёхрукие громадины даже не обернулись, — Сучьи дети!..

Он брёл в том же направлении, что и они, лазурный свет становился всё ярче и всё голубее, резал единственный зрячий глаз, обжигал кожу словно раскалённое железо. Свет завихрялся, свет кружился адским смерчем, потоками, обволакивая больное тело, иссушая наполненный кровью рот, и пронзая напряжённые мышцы электрическими разрядами.

Вспомнились рассказы переживших клиническую смерть. Их всегда встречал свет, они шли к нему, не боясь и обретая покой. Может быть и он уже помер и бредёт прямо в Рай? Всё ближе и ближе с каждым шагом. Но тогда почему так больно, и не наступает блаженство?

Свет неожиданно кончился, а в стопы ударил твёрдый холодный камень. Несколько секунд перед взором на фоне сплошной черноты плясали "зайцы", но постепенно глаз привык к слабому отсвету голубого сияния, что кипело и бурлило за спиной. А когда глаз привык, оказалось, что вокруг больше нет парка. Вокруг — сводчатый зал, заставленный непонятными механизмами и аппаратами, и ещё менее понятными кубами, цилиндрами и конусами. А посреди всей этой непонятности, похожие друг на друга, как братья-близнецы, расположились

четырёхрукие гиганты в серебристо-серых комбинезонах.

Сколько их здесь было? Десять? Двадцать?

Мысли окончательно спутались, разум отказывался принимать увиденное, справедливо полагая, что просто галлюцинирует после выкуренной полпачки.

Гигант, что нёс женщину-кошку обернулся. Обернулся и его напарник.

Хлопок, словно лопнуло калёное стекло, ударил в спину, швырнул на пол. Гиганты захохотали.

С трудом повернув голову, и посмотрев на то место, где только что было голубое сияние, он не увидел ничего. Кроме плоского широкого постамента, сложенного из такого же чёрного камня, как и весь этот чёрный храм, внутри которого он оказался.

Надо было подняться, надо было что-то сказать или сделать, но сил совсем не осталось. Тело и разум требовали, чтобы он закрыл единственный зрячий глаз и погрузился в уютное беспмятство. Он так и сделал.

<http://tl.rulate.ru/book/4490/164507>